

Фэй Данауэй - «ШЕСТИДЕСЯТНИЦА» ЭКРАНА

36

В 1968 году на съемках ленты Н. Джуисона «Афера Томаса Крауна» оператор Х. Уэкслер очень удачно использовал прием полиэкрана, позволяющий наблюдать за действиями разных героев в одно и то же время. Драки, поцелуи, скачки на лошадях - все это вместе и по отдельности словно проплывало перед зрителями. В какой-то момент появились лица главных героев, и когда фотография Стива Маккуина исчезла, камера остановилась. На экране крупным планом зафиксированы были женские глаза, прекрасные глаза Фэй Данауэй («не глаза, а очи», как сказал бы А. Фадеев) с огромными, загнутыми кверху черными ресницами. Почему-то именно этот кадр из раннего фильма

актрисы вспоминается сегодня, когда за ее плечами уже более тридцати картин. А дело, видимо, в том, что самые красивые «очи» Голливуда стали своеобразным символом американского кино шестидесятых после того, как их обладательница снялась в самом популярном и нашумевшем фильме тех лет («Бонни и Клайд», 1967)... Кадры сменяли друг друга под аккомпанемент чудесной песни М. Леграна «Мельницы моих мыслей», записанной позже оркестром П. Мориа. Коротенькая заставка комедийного фильма заключила в себе поэзию времени. Поэзию, содержанием которой в жизни было отрицание прозябания, строфами - забастовки, ритмом - выстрелы, а размера не было

вообще. Но поэзия всегда прекрасна, какой бы она ни была. И поэтому прекрасной оставалась по-прежнему внешность ее лирических героев и героинь, как ни старались продюсеры рядить их в серые одежды.

Интересно, что когда Фэй было двадцать, кто-то доверительно сообщил ей, что она со своей внешностью на роль кинозвезды не тянет. Но девушка пропустила «сообщение» мимо ушей, очевидно полагая, что это не так или, что более вероятно, думая, что с лица воды не пить. Она бросает Флоридский университет и поступает в Школу изящных и прикладных искусств при Бостонской alma mater, где и учится играть. Через пару лет Элиа Казан замечает молодое дарование и приглашает его (то есть ее) в нью-йоркский театр Линкольновского центра. Три года наставлений Казана - и Фэй на Бродвее. Последней из проходных ролей Данауэй в «Человеке на все времена» Казан сравнил ее с Жанной Моро, и этого заявления было вполне достаточно, чтобы колесо фортуны молодой актрисы закрутилось с бешеной силой. Следующие четыре года также были отданы театру: «После падения», «Но для кого же Чарли?», «Тартюф», «Пальто Хогана» и пр. шли на разных сценах и под руководством разных же режиссеров. В «Пальто» ее увидел продюсер Сэм Шпигель - так Фэй попала в Голливуд.

Пусть это покажется немного суеверным, но поистине первая роль Данауэй в кино предопределила многие последующие. Молодая «хиппующая» компания - парни, девушки - «для хохмы» похищает миллионера и требует выкупа. Но тот шутки не понял и начал жестоко мстить, подключая весь аппарат знакомых и родных. Конец к/ф «Происшествие» трагичен. В

↑ "Бонни и Клайд"
← "Злодейка"

первой ленте героиня Фэй - наивная девчонка, для которой большим откровением явилось существование в мире зла и какой-то невидимой карающей системы. Через два года «появится» Бонни Паркер, и «невидимкам» придется не по себе. Но прежде покажет себя сама Фэй Данауэй, а «не по себе» придется режиссеру Отто Премингеру. Видя, что дебют актрисы в кино прошел незамеченным, он свяжет ее по рукам и ногам шестилетним контрактом, за что и будет позже судим.

Безликая роль фермерши в его «Торопливом заходе солнца» заставила Фэй сильно призадуматься, стоит ли ей работать в кино. «Стоит», - спас положение Артур Пенн, - если сняться у меня в «Бонни и Клайде». «Не стоит», - изрек Уоррен Битти, продюсер фильма, и криво, по-кошачьему

ухмыльнулся. (Камнем преткновения была комплекция Фэй.) Впрочем, ухмыляться ему пришлось всего неделю, пока Фэй занималась потерей 30 фунтов веса, носила на запястьях и лодыжках тяжести и тренировалась с 4.30 до 20.00. «Одержимая», - назвал это самобичевание журнал «Ньюсуик». Но, как бы это ни называлось, для Фэй важен был результат, а именно: она получила прекрасную, главную, серьезную роль в фильме известного режиссера и наконец-то может себя показать.

Ей было легко играть молодую знойную официантку из захолустного городка, у которой жизнь не получилась и которая мстит поэтому со своим приятелем Клайдом Барроу сама не зная кому. Фэй родилась и выросла точно в таком же провинциальном городке и вполне представляла себе атмосферу, которой дышала ее героиня. «Среди моих знакомых есть много молодых людей, которые желают умереть и намеренно

сжигают свою жизнь», рассказывала актриса уже после съемок. Ее Бонни кажется похотливой, потому что мечтает о любви, и истеричной, потому что слишком много обид накопила за недолгую жизнь. Она согласна грабить банки и быть подружкой парня-импотента, потому что это гораздо лучше работы в паршивом ресторанчике и грязных объятий мужиков, видящих в ней не человека, а подстилку. День проходил за днем, и когда все мосты были сожжены, а герой У.Битти сказал: «Обратного пути нет», на экране совершилось чудо: наивно-беспечная Бонни превратилась в женщину, сознающую свою обреченность. Актриса надела новую «маску» и только в финале, на короткое мгновение, когда за деревьями уже стояли люди с автоматами, а Клайд еще строил воздушные замки, она снова стала той беспечной девчонкой, какой была в начале фильма.

Поразительная способность

перевоплощаться на глазах восхитила современников. «О, Фэй там, куда никто из нас пока не может войти!» - восклицала Шарон Тейт. «Фэй ни на кого не похожа, ее сильная индивидуальность не позволит превратить ее в обычную «звезду», - говорила молодая актриса Джин Себерг и была права. Обычная «звезда» вряд ли вспомнит о театре на вершине кинематографической славы, а Фэй вспомнила и по окончании съемок отправилась прямехонько в Лондон, чтобы сыграть Офелию. На естественный репортерский вопрос «зачем» был дан не менее естественный ответ: «Чтобы быть актрисой». Фэй хорошо запомнила

заповедь своего первого педагога и режиссера Э.Казана: «Ты, конечно, жаждешь сниматься, но не приходи в кинематограф, если ничего не можешь ему предложить».

Видимо, предложения находились, потому что после «Бонни и Клайда» запоминающихся ролей было много, и почти каждая нуждалась в сложной, многоцветной палитре настроений и чувств, какую могла предложить только Фэй Данауэй. Эффект был поразителен. В к/ф «Маленький Большой Человек» зрителям вдруг становилось жалко ее миссис Пендрик, жену пастора, ставшую проституткой: так испуганно и виновато выглядело это простодушное создание посреди фальшивой роскоши публичного дома, и так не вязалось это новое выражение ее

← "Глаза Лоры Марс"
↓ "Китайский квартал"

лица с развязностью, бившей в глаза двумя минутами раньше.

Большинство картин с Данауэй условно можно разделить на фильмы протеста («Бонни и Клайд», «Сделка», «Оклахома как она есть», «Три дня Кондора»), которые по понятным причинам пользовались особым уважением нашей официальной критики, и на те, в которых актриса сыграла «роковую женщину». (О последних советская пресса не писала вообще.) В тихом омуте огромных глаз Фэй Данауэй водился сам дьявол, что всегда учитывали режиссеры. Хладнокровный вор Томас Краун не устоял перед чарами белокурого судебного следователя Викки Андерсон, вечно одетого «от Кардена». О коварстве леди Уинтер («Три мушкетера», 1974) напоминать излишне. И уж вполне закономерно то, что в конце концов Фэй сыграла настоящую ведьму («Супердевушка», 1984).

Пленительная внешность, как ни странно, не наложила ни малейшего отпечатка на ее характер. По стилю

жизни Фэй смело можно окрестить работягой. Верно заметил Кирк Дуглас: «Это маленькая птаха, которая вечно борется и умеет летать против ветра». Закончив «два с половиной» вуза, она решила, что этого недостаточно и время от времени стала «повышать квалификацию» на подмостках театров. К сияющим фетишам типа «Оскара» Фэй относится сдержанно: благодарит, но «на стенку не лезет» и, получая награду за роль журналистки в фильме «Телесеть», заявила, что в настоящий момент ее гораздо больше интересует будущая роль в «Глазах Лоры Марс» Кершнера.

Что касается глаз самой Фэй Данауэй, то пробуждение дьявола в них заметно сказывается на окружающих. Впервые это испытал на себе Отто Премингер, которому Фэй мстила за шестилетний контракт. С тех пор она привыкла к решительным действиям и уже чуть ли не сама руководила съемками. Что поделать, если режиссеры не понимают простой истины: актеру нужна репетиция. С такими «непонимающими» разговор особый. Продюсерам хорошо известен характер «мятежной Фэй» (термин американских журналистов). В пример актриса любит ставить Сидни Люмета, который перед съемками «Телесети» репетировал целых две недели. (Именно после этого фильма критики сравнивали Фэй с Кэтрин Хепберн, Бетт Дэвис и Гретой Гарбо.) А. Кончаловский несколько лет лелеял надежду, что Данауэй любезно согласится играть прикованную к постели скрипачку в «Дуэте для одной», и Фэй даже освоила скрипку в Королевской музыкальной коллегии, но когда окончательный вариант сценария попал к ней в руки, она пожалала Кончаловскому руку и покинула

съемочную площадку.

«Я не умею придумывать сюжеты, но вполне могу дополнять их своими соображениями». У Фэй Данауэй есть даже своя компания, которая сначала ищет интересные сценарии, а потом их дополняет.

Боюсь, читатель подумает, что речь идет об этаккой взбалмошной агрессивной дамочке, с которой никто не имел бы дела, не будь она столь одаренной. Это неверно. Фэй имеет очень веселый нрав, хорошее чувство юмора и весьма сожалеет поэтому, что мало играла в комедиях.

«Три дня Кондора» были поводом к тому, чтобы критики единодушно провозгласили: головокружительная карьера Фэй Данауэй начинает новый виток и кто знает, на какой недосыгаемой высоте окажется «звезда» лет через десять. Но журналисты просчитались, ибо тогда уже, в 1975-м, близилась лебединая песня Фэй-киноактрисы: всего через год «Телесеть» станет последней и самой яркой экранной вспышкой ее

чудесного таланта. Быть может, «звездный трек» Фэй Данауэй не столько напоминал спираль, сколько резкий, почти вертикальный подъем, тропинку высокой горы, которая на самой своей вершине круто обрывается вниз. В начале восьмидесятых газеты совсем позабыли актрису, хотя она по-прежнему снималась в кино, работала на ТВ, играла в театре. Правда, Фэй говорит, что вовсе не собиралась планировать свою карьеру и бывают в жизни ситуации, когда приходится выбирать между семьей и работой. (Выйдя в 1982 году замуж за фотографа Терри О'Нейла, она предпочла семью и уехала с мужем в Англию.)

Сейчас она по-прежнему счастлива и, несмотря на свои... года, кажется молодой. Сочетая съемки с заботами по дому, воспитывает 12-летнего сына Лайама и называет себя «матерью-подругой». Говоря, что «за праведные цели надо бороться за себя и за других», Фэй основала антиспи-

довскую ассоциацию «Ред Хот Эгэйн». Кроме того, занимается спортом, все так же чему-то учится, «во всем доходя до самой сути» - словом, старается жить полной жизнью, как любая женщина бальзаковского возраста...

Но я не верю газетам и журналам, когда читаю о новых ролях американской актрисы Фэй Данауэй, и не отыскиваю лихорадочно кассеты с ее последними фильмами. Впрочем, я видела один из них - он назывался «Южане» (1992), а упоминаемая выше Данауэй играла в нем жрицу любви. Это было довольно убедительно, забавно, талантливо и - грустно. Грустно потому, что на экране то и дело появлялась женщина, разительно напоминавшая собою Бонни, но я-то знала, что это не та актриса, которую я хотела увидеть. И я не буду рассказывать вам об этой «новоявленной» Фэй Данауэй - просто потому, что, при всех ее талантах, она мне несимпатична. Мне кажется, что та, другая Фэй,

которую я люблю, осталась где-то в прошлом, в той эпохе, когда Америка бунтовала и грабила банки, когда вестерны жили, а не «возрождались» искусственно, как теперь, и звучали незабываемые мелодии М.Леграна. Сегодня мы часть вспоминаем то время и его героев - «шестидесятников», которые жили, оказывается, не только в нашей стране. Фэй Данауэй (та, что нравится мне) была «шестидесятиницей» экрана, лирической героиней эпохи больших ожиданий, а это не менее важно.

Но я боюсь, что вот сейчас смешала по привычке актрису, постаревшую (увы!) на двадцать пять лет, и ее давнишних героинь, которые остались молодыми. Ведь если ушла в небытие Бонни Паркер, мятежница, то осталась Фэй Данауэй - женщина с чистой и смелой душой, которая, как умеет, пытается изменить мир.

Теперь уже по-другому.

Валентина ДУДКИНА

